

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; почётный работник ВПО РФ; член союза кинематографистов России

Ж. Л. Океанская

Доктор культурологии, профессор по кафедре культурологии и литературы (ВАК РФ); профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России

«Что замыслил Творец о России...»: русская элевация (к метафизике русской идеи)

Прошедшие и предстоящие юбилеи русских мыслителей – открываются нам как созвездие смыслов в бурном море исторического и космического бытия. Русский мир в своём большом времени прошёл последовательно через византийский и фаустовский гипертренды культурно-цивилизационного формирования, в совокупности раскрывающие экзистенциальную диалектику Божественного и человеческого, которая архетипически заложена в Никейской христологической догматике и более обширном риторико-классическом наследии Античности. Ныне осуществляется поворот на Восток, намечаются перспективы нового гипертренда, усиливаются возможности возвращения к позитивной архаике. Кроме того, изнутри каждого гипертренда действуют «кушитские» и «иранские» тенденции, стабилизирующие и восходящие, однако последние завершились всякий раз Голгофой русского мира: петровской и большевистской. Призванная быть Востоком Христа русская элевация дополняет традиционный отечественный интеллектуальный и эстетический платонизм особым экзистенциальным вектором русского гераклитианства, связанного с экстремальным метафизическим альпинизмом и мышлением символическими фигурами – это русский путь орфического восхождения сквозь архаику к Вечности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00272 «С. Н. Булгаков: pro et contra. Творчество С. Н. Булгакова в историческом и современном контекстах».

Ключевые слова: Россия вечная, преемственность поколений, метафизический корабль, Сергиево созвездие, смысл юбилеев, цивилизационные гипертренды, иранство и кушитство, гераклитианство и орфизм.

В духовном мире не всё именуется по-русски, но Россия занимает в нём одно из самых завидных мест. Всечеловеческий и вселенский смысл её далёк в этих сферах от реализации утопической формулы «без рос-сий, без латвий, а единым человеческим общежитием» – при всей своей глубинной и апофатической открытости Иному «Россия Вечная» [1] в них остаётся навсегда, пребывая всегда и произрастая из неисследимой глубины Божественной Плеромы. Об этом же писал и Бердяев в «Русской идее»: «Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идея» [2, с. 43].

В свете последнего по-новому звучит традиционное вопрошание «Куда ж нам плыть?..»: эксплуатация пушкинской фразы от Стругацких до Акунина не измельчает исходного вопроса, но позволяет сохранить всю глубину заключительного авторского торможения в отрывке «Осень», побуждая оставить эту фразу в кавычках... После, однако, откроется большее, нежели то, что тогда только при-открывалось – ведь вопрос звучит риторически и необходимо оставаться на месте, совершая метафизическую остановку, причём, примерно так, как это сделал М. Хайдеггер, объясняя в небольшом эссе, «почему мы остаёмся в провинции» [3, с. 218 – 221].

Преимственность поколений и юбилей (прошедшие и предстоящие) русских мыслителей, в число которых мы охотно и давно уже, вслед за авторами энциклопедического словаря «Русская философия» [4], как и учебника по древнерусской философии [5], включаем крупных отечественных поэтов и писателей Нового времени, отнюдь не только древних – открываются нам как созвездие смыслов в бурном море исторического и космического бытия.

Отец Сергей Булгаков в парижской речи «Благодатные заветы преподобного Сергия русскому богословствованию» 1926 года, фактически благословляющей предстоящее большое трудничество российских изгнанников на метафизическом корабле, а именно – работу Свято-Сергиевского Бого-

словского Института в Париже, отметит, что отечественная культура мысли и слова возникает и существует под «созвездием преподобного Сергия»: «на небе умном... над нашими головами горит и сияет его созвездие» [6, с. 87].

Обращаясь сегодня к русской религиозной философии, которая была по существу герменевтикой отечественной словесности, мы не должны пройти вниманием сам факт указываемых юбилеев крупных отечественных мыслителей, к великому сожалению остающихся почти не замеченными в бурлящем инновациями современном образовательном пространстве... Вот конкретика этой удручающей, но всё ещё не безнадёжной картины: исполнилось в 2020 г. Е. А. Баратынскому (который, по словам Пушкина, «у нас оригинален, ибо мыслит») – 220 лет, А. А. Фету, которому мы обязаны первым Шопенгауэром на русском языке – 200 лет, Андрею Белому – 160 лет, А. А. Блоку – 140 лет; в 2021 г. К. Н. Леонтьеву – 200 лет, отцу Сергию Булгакову – 150 лет, В. Н. Ильину – 130 лет, И. Л. Солоневичу – 130 лет; в 2022 г. Г. С. Сковороде – 300 лет, Н. Я. Данилевскому – 200 лет, смерти Гоголя как культурному событию – 170 лет, В. Ф. Эрну – 140 лет, отцу Павлу Флоренскому – 140 лет, А. А. Зиновьеву – 100 лет, А. А. Тарковскому, о метафизическом масштабе которого свидетельствует не только искусство кино, но и его «Мартиролог» – 90 лет; в 2023 г. Ф. И. Тютчеву – 220 лет, В. С. Соловьёву – 170 лет, А. Л. Волынскому – 160 лет, И. А. Ильину – 140 лет, А. Ф. Лосеву – 130 лет, отцу Георгию Флоровскому – 130 лет, В. Н. Лосскому – 120 лет, А. Н. Островскому, который был метафизиком в драматургии и драматургом в метафизике – 100 лет; в 2024 г. П. Я. Чаадаеву, заложившему начало русского интеллектуального «сумасшествия» как «философского пробуждения» – 230 лет, русскому орфику и гераклитианцу А. С. Хомякову – 220 лет, философствующему в стихах и прозе звездочёту М. Ю. Лермонтову – 210 лет, «долго всматривающемуся в Бездну» Н. А. Бердяеву – 150 лет, Ф. А. Степуну – 140 лет; в 2025 г. программной книге «русского Ницше» К. Н. Леонтьева «Византизм и славян-

ство» – 150 лет, М. М. Бахтину – 130 лет (и 50 лет пройдёт после его кончины); в 2026 г. «русскому Фрейду» В. В. Розанову – 170 лет, Льву Шестову – 160 лет, «Великолепному» (по устойчивой характеристике последнего) сверхфилологу Вяч. Иванову, автору самого словосочетания «русская идея» – так же 160 лет, учёному следопыту русской меоничности В. П. Ракову – 90 лет; в 2027 г. «русскому Данте» свт. Игнатию Брянчанинову – 220 лет (а 160 лет исполнится после его кончины), К. Д. Бальмонту – 160 лет; в 2028 г. Л. Н. Толстому – 200 лет; в 2029 г. А. С. Пушкину – 230 лет.

Разумеется, этот перечень не может быть полон – но что-то самое существенное, думается, удаётся всё же показывать здесь. Приходится напоминать о непреходящем значении отечественной логоцентрической культуры, всё ещё не достаточно востребованной в бурном процессе образовательных трансформаций и его ускоренных стандартизаций. Одна из них вроде бы на очереди и сегодня. Но любая стандартизация образования (пусть и с самыми благородными, и даже – сотериологическими, мотивами) посредственность сделает ещё посредственнее, а для творческого духа это лишь (не стоит впадать в отчаянные депрессии!) сподручный материал (не более) в алхимической лаборатории космического дизайна... Его упругость – совершенно прикладной, и, вообще говоря, творческий вопрос. Иными словами, что-то надо с этим делать, и кому – если не нам?

Содержательный контент образования всё ещё крайне недостаточно обращён к такой вершинной сфере мышления как религиозная философия, и означенные выше юбилеи могли бы, конечно, способствовать преодолению этого очевидного упущения, а преемственность поколений осуществлялась бы в преодолении роковой разрывности, горестной, но, может быть, всё ещё не безнадежной, если мыслить в том «большом времени», которое мы постигаем как «историософию русского пути»...

Многозначительны ссылки В. В. Путина на мысли русских религиозных философов, труды которых принадлежат классике отечественного консерватизма: в 2012

году в речи перед Федеральным собранием Президент обращался к творчеству Л. Н. Гумилева, называвшего себя «последним евразийцем» – к его главной теории «пассионарности»; в 2013 году цитировал «Философию неравенства» Н. А. Бердяева: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию»; в том же году в итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» Президент обратился к главному образу философии К. Н. Леонтьева, принципиально противопоставив его советскому классику – В. И. Ленину указанием на то, что для России органичен образ отнюдь не «тюрьмы народов», а «цветущей сложности»; в 2014 году в Послании к Федеральному собранию Путин процитировал сборник статей И. А. Ильина «Наши задачи»: «Кто любит Россию, тот должен желать для неё свободы; прежде всего, свободы для самой России, её международной независимости и самостоятельности; свободы для России как единства русской и всех других национальных культур; и, наконец, свободы для русских людей, свободы для всех нас: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности»; на исходе же 2016 года в речи Федеральному собранию глава государства привёл впечатляющий фрагмент написанного в годы Великой отечественной войны эссе «Жизнь» А. Ф. Лосева: «Мы знаем весь тернистый путь нашей страны, мы знаем томительные годы борьбы, недостатка, страданий, но для сына своей родины – это всё своё, неотъемлемое, родное». Совсем недавно, осенью 2022 года, Путин вновь актуализировал наследие Ивана Ильина в своём обращении к животрепещущей теме Донбасса, а в последующем выступлении на Валдайском форуме напомнил нам проникновенные мысли Н. Я. Данилевского и Ф. М. Достоевского...

К столетнему юбилею Гёте, а в текущем году ему исполнилось 190 лет, крупнейший испанский философ XX века Хосе Ортега-и-Гассет, которому в следующем году будет 140 лет, отмечал: «Есть только

один способ спасти классика: самым решительным образом используя его для нашего собственного спасения, иными словами не обращая внимания на то, что он – классик, привлечь его к нам, осовременить, напоить кровью наших вен, насыщенной *нашими* страстями... и проблемами. Вместо того чтобы торжественно отмечать столетнюю годовщину, мы должны попытаться воскресить классика, снова ввергнув его в существование» [7, с. 461].

Но что есть наше *существование* в его смысловой глубине как не проживание заданного в культурно-исторической судьбе? В истории России было два определяющих цивилизационных гипертренда – византийский («древлеправославный») и западный («фаустовский»), долгое время воспринимавшиеся у нас по модели внутреннего конфликта «отеческого» и «сыновнего», «старого» и «нового», чему найдётся множество подтверждений в отечественной религиозной философии, художественной словесности, журнальной публицистике: так, например, согласно первому природа – храм, а согласно второму – мастерская, на чём настаивает главный герой-нигилист из знаменитого тургеневского романа...

Вероятнее всего, мы сегодня стоим у истоков новейшего гипертренда, который можно было бы назвать восточным. С этим связаны и более широкие макроцивилизационные перспективы, обусловленные поворотом на Восток. Он оказывается подлинно возможен лишь как преодоление западного гипертренда, то есть в существенной мере – изнутри последнего. Подчёркнём, что этот поворот на Восток – не просто путь России, но он открывается и как планетарная макроцивилизационная перспектива, своего рода – иноглобализм... Однако же именно России, по всем раскладам, здесь предстоит сыграть какую-то решающую роль. Глобальный вектор культурно-цивилизационного движения русского мира, связанный с процессом постепенного расширения и оформления его гигантского пространства всегда был направлен с Запада на Восток, то есть диаметрально противоположен историческому вектору складывания самой западной цивилизации.

Итак, мы можем сказать, что русский мир в своём большом времени уже прошёл последовательно через византийский и фаустовский гипертренды культурно-цивилизационного формирования, в совокупности раскрывающие экзистенциальную диалектику Божественного и человеческого, которая архетипически заложена в Никейской христологической догматике и более обширном риторико-классическом наследии Античности, уходящим своими криптокорнями в символическое миропонимание и дориторические мифоосновы [8, с. 72 – 77]. Ныне осуществляется, повторим это, поворот на Восток, который, конечно же, не мог произойти за несколько весенних вечеров – давно уже намечаются перспективы нового гипертренда, усиливаются возможности возвращения к позитивной архаике, в чём состоит, вообще говоря, особенность культурологически верифицируемой современности.

Кроме того, изнутри каждого гипертренда всегда действовали и действуют «кушитские» и «иранские» тенденции, стабилизирующие и восходящие, однако последние завершались всякий раз Голгофой русского мира: петровской и большевистской. Призванная быть Востоком Христа русская элевация дополняет традиционный отечественный интеллектуальный и эстетический платонизм особым экзистенциальным вектором русского гераклитианства, связанного с экстремальным метафизическим альпинизмом и мышлением символическими фигурами – это русский путь орфического восхождения сквозь архаику к Вечности.

Интересно, что гипертренды: византийский, фаустовский, восточный – в их эпохально-исторической рядоположенности отнюдь не являются качественно и морфологически равноценными. Первые два маркируют рационалистическое единство классики и риторики как долгий тип культурно-исторического сознания и его известный романтический кризис с чаемым «поворотом на Восток» – последний развёртывает сознание к дориторическому мифу, и это глубочайший поворот, ещё более парадиг-

мальный и метафизичный, чем тот, что случился в петровское Новое время.

Распространено суждение, что русская религиозная философия есть христианский платонизм конца Нового времени, спровоцированный западной, прежде всего – германской, мистикой и романтизмом. По-видимому, так полагал и столь авторитетный историк отечественной интеллектуальной культуры как отец Георгий Флоровский, укоренявший там и софиологическую метафизику («Пути русского богословия»). Ни сколько не отрицая фактичности этих влияний и не отказываясь от доминантной платонической автогерменевтики отечественной религиозной философии последних двух столетий, вполне органичной и Хомякову, мы обращаем пристальное внимание на то, что, не вступая в конфликт с платонизмом, она не вписывается только в него и уходит своими криптокорнями в досократовскую раннюю античность и прежде всего – к малоазийцу Гераклиту Эфесскому.

Причём, что ещё удивительнее, наряду с наиболее выраженным платонизмом русской философии, идущим от И. В. Киреевского и В. С. Соловьёва к своеобразному софиологическому триумфу, а отнюдь не срыву (как полагают критики «софианства») – можно говорить и о русском гераклитианстве, философическим по форме и дофилософским по своей содержательно-мистической интенции: назовём здесь Ф. И. Тютчева, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. Ф. Эрн, отца Павла Флоренского, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, С. Л. Франка... У более позднего наследника этой традиции А. Ф. Лосева можно обнаруживать опыт потенциального мифодialeктического, и по сути – неоплатонического, синтеза недоразведённых самой античностью линий платонизма и гераклитианства. Гераклит же соединяет Миф и Логос, а не противопоставляет их – но как раз это характерологическая черта всей русской религиозной философии, весьма близкой в этом отношении романтическим традициям, их наследующим Ницше, Шпенглеру, Гегелю, Бергсону, Ортеге, Хайдеггеру, по-своему существенно обращённым также к Гераклиту и его «конкретной метафизике»...

Однако самым впечатляющим оказывается принадлежность этого русского гераклитианства как дополнения к русскому платонизму – исконным протофилософским традициям орфизма: подобно тому как обращённый к небесной аполлинической гармонии античный мученик Орфей реформирует древнейшие мистерии Диониса, так и русская религиозная философия несёт в себе колоссальный потенциал мистической народности, которая, разумеется, заключается для неё, говоря словами Гоголя, «не в зипуне» (и скорее уж в надеждинской защите «безбородых шеллингов»), но в одухотворённом и преображённом бытии человечества и Вселенной, в исходном чаянии последнего... Логос России – не только кенотичен, но и эксцентричен.

С последним обстоятельством будут связаны следующие прояснения.

1. Русская идея – наше исключительное и предельное самопознание: вместе с Ибн аль Фарилом и Ницше русский философ – «пел сам себе» и «писал для самого себя». Можно сказать и словами Баратынского, что философы (не только, разумеется, русские) это те, кто говорят о Всеобъемлющем и Общем, имея «лица необщее выраженье», осуществляя таким образом ипостазирование Вселенной. Хомяков же определял саму идею соборности как «единство во множестве» – развитие эта мысль получила в последующей отечественной гносеологии онтологически фундированного соборного разума (Н. Я. Данилевский, Е. Н. Трубецкой).

2. Русская идея – это идея Бога, она принадлежит Богу и открывается только как идеация (П. А. Сорокин), в обратной, иконолической перспективе (отец Павел Флоренский); но, будучи идеей Бога, она укоренена в апофатике и непостижима, в этом смысле, используя ассоциации из дальневосточной традиции, она – отражение пустоты объемлющего. С другой стороны, русские философы очень хорошо производят своё оружие, а кроме того русский философ выступает на исторической сцене как культурный герой.

3. Ю. В. Мамлеев в «России вечной» говорил о том, что существует неисчисли-

мое множество Россией в неисчерпаемом инобытии вселенских проявлений – с этим стоит согласиться. Но прежде всего русская идея – софийна и укоренена в божественной плероме как предвечном замысле Творца.

4. Русская идея, подобно русской песне, согласно К. С. Аксакову, никогда не исчезает, но иногда удаляется, и где-то поётся, вечно поётся... В ней сокрыта универсальная способность постоянного познания идеального в материальном, его постоянных ускользаний и новых обнаружений...

5. Носители русской идеи – софийные лики сакральной России, слагающие её симфоническую субъектность: святые, юродивые, учёные, простецы, поэты, мыслители, писатели, художники, изобретатели, музыканты, многочисленные устроители и хранители её непреходящих смыслов. Сонм святых, прославленных и непрославленных, «несвятых святых», людей великих и малоизвестных миру – представляет собою софийный покров отечественной культуры, а вместе с тем и тот её подлинный «золотой фонд», постижение которого обнаруживает и определённую образовательную задачу, в правильной формулировке и стратегическом решении которой видится будущее России, всё ещё находящейся на пороге мучительного собирания себя в дебрях мирового леса и джунглях планетарной цивилизации.

6. Вера, земля, язык, государство – не истоки, а проявления русской идеи. В очень глубоком, предельно-символическом смысле, русская идея приоткрывает всеобщий способ развития сущего, обнажая во вселенских вихрях складки родины...

7. Роль Церкви в её истинном, хомяковском, понимании: как «единства Божьей благодати» – абсолютна в формировании, воплощении и сохранении русской идеи, а в слове «соборность» заключается целостный символ веры, можно сказать, иероглиф Православия, акцентированный в Новое время на русской земле.

8. Метафизической почвой русской философии является не бездна материи (аналог индуистской пракрити), но эйдологическая сфера (в небо уходят корни философии вообще, подобно корням деревьев на

древнеиндийских орнаментах), однако церковная христология даёт немалую фору мистическому материализму, имеющему свою весомость и в русской идее. Стоит указать на исходную космологическую специфику отечественной науки (и гуманитарной, и естествознания), столь мощно проявленную уже в гении М. В. Ломоносова – это позволяет узреть в русской идее восходящую конституцию сущего, Богозамысленную антропокосмичность бытия.

9. Русская идея в поисках высшей справедливости и противостоянии узкоюридическим отношениям между людьми поднимается к святоотеческому открытию превосходства милости над справедливостью (преп. Исаак Сирий) и благодати над законом (свт. Иларион, митрополит Киевский). Русская идея чужда всякому насильственному соединению, а потому изнутри её никогда не иссякает ожидание любви.

10. Русская идея сообщает смысл самому существованию России, каждого отдельного человека в России, существованию государства российского, светит соседям России и всему миру. Отдельный и абстрактно неразрешимый вопрос: есть ли она – общедоступный способ всечеловеческого развития? Здесь скорее бы можно было предположить, что отнюдь не ОБЩЕ-доступный, но однозначно ВСЕ-доступный, откуда никак не следует, что, говоря словами И. Л. Солоневича, к нашим ногам должны понести всю колбасу и всё пиво мира – это фактура чуждой нам истории...

11. Главная опасность – в шаблонизации (!) русской идеи. Подобно тому как античная метафизика исторически выродилась в западный Постав, десакрализирующий, обезличивающий и обналичивающий Сущее, превращённое, согласно Хайдеггеру, «в кладовую энергии» и/или «гигантскую бензоколонку»; схожая опасность угрожает русской идее, если она отбросит свои энигматические основания и встанет на путь автотомелирования и разрастающихся схематизаций – русская идея требует возврата к непостижимой простоте, но не той, где поменьше букв.

12. Если же потребовалось бы привести кратчайшие онтологические доводы по

русской идее – то их можно обозначить последовательно как (1) теологический, (2) топологический, (3) мейнундический, (4) симфонический и (5) антропологический: первый обращён к идеациональности и иконичности – согласно такому пониманию, русская идея – идея Бога, не просто теза о Боге, но принадлежит самому Богу и как таковая замыслена им; второй обусловлен богоданным простором, пространственной ориентированностью русского логоса в распахнутую ширь и, говоря языком бальмонтской поэзии, «раздвинутую даль», формирующих пространственность русской души, её диагностическую недооформленность; третий, вытекающий из прежнего, связан с близостью сверхбытийственной докосмической Бездны и её провальных угрожающих зыбей, что часто интерпретировалось как русский дионисизм; четвёртый, напротив, указывает на верховный космизм, собранность и софийность, что в противовес предшествующему можно определить как русский артистический аполлинизм, при этом на замыкаясь в античном мифологическом символизме, но осуществляя анагогическое движение к патристическому тринитаризму; пятый отворяет особый тип одухотворённой персонологии как идеальную перспективу трансцендентной элевации человека, позволяющей говорить в раннеантичных символических аналогиях о русском орфизме как тонально-характерологическом качестве отечественной христологии.

Библиографический список:

1. Мамлеев Ю. В. Россия Вечная. М.: «Традиция», 2020.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: «Наука», 1990.
3. Хайдеггер М. Творческий ландшафт: почему мы остаёмся в провинции? // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: «Гнозис», 1993.
4. Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: «Республика», 1995.
5. Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X – XVII веков. М.: МГУ, 1990.
6. Булгаков, протоиерей Сергей. Путь Парижского богословия. М.: Храм святой мученицы Татианы при МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007.
7. Ортега-и-Гассет Х. В поисках Гёте // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: «Искусство», 1991.
8. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. «Глубочайшая метафизика»: Духовные доминанты отечественной философской мысли // Русская философия в России и мире: коллективная монография. М.: Объединённое Движение «Русская философия», 2019.

©Океанский В. П., Океанская Ж. Л., 2022